

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ

ЗДРАВСТВУЙ, БРАТ МОЙ БЗООУ!

КомпасГид
издательский дом

Евгений Рудашевский

Здравствуй, брат мой Бзоу!

ИД "КомпасГид"

2015

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Здравствуй, брат мой Бзоу! / Е. Рудашевский — ИД
"КомпасГид", 2015

ISBN 978-5-00083-768-9

Дружба человека и дельфина... Дельфина и человека... Не сейчас, когда даже в далёких от моря мегаполисах открыты океанариумы и дети могут встретиться и поиграть с ручным дельфином не только на морском курорте. Эта история из прошлого века – о дружбе простого абхазского юноши с диким морским зверем. И тем чудеснее эта дружба, что её окружает суровый и порой примитивный быт абхазского села, жители которого – крестьяне и рыбаки – считают дельфина «глупой серой рыбиной» и вором, а человека, подружившегося с ним, – по меньшей мере чудачком. Село Лдзаа многие века живёт своей размеренной жизнью: абхазы чтят заветы предков, трудятся на земле, ходят в море за рыбой, горюют и радуются. Стаи дельфинов также издревле населяют море – играют и охотятся, порой восхищая, порой пугая людей. Место встречи двух будущих друзей – берег. Весеннее утро, обещание чуда. Вот только длиться этому чуду недолго. Всего одно лето, чтобы познакомиться, научиться доверию, подружиться, стать братьями... А осенью – призыв в армию. Сияние этой дружбы ложится на всё повествование – высвечивает характеры, согревает суровые крестьянские сердца. Шаг за шагом, день за днём, слово за слово проходит лето взрослеющего героя. Всё пристальнее его взгляд на родную землю, на привычный труд, на любящих родных... Читателя не ждёт в этой повести счастливый конец и всеобщее благополучие. Напротив, он столкнётся с вечной бессмысленной и разрушительной силой, имя которой – война. И всё-таки это светлая книга о добре и мире. Что можно противопоставить тьме? Не скажешь лучше, чем крестьянин-абхаз в повести: «Наше дело – мир! Жить и радоваться! Рожать и воспитывать. Принимать гостей и омыwać им ноги! Так нам завещано, так мы будем делать!» Евгений Рудашевский несколько лет работал с морскими млекопитающими и знает о жизни дельфинов не понаслышке. За повесть

«Здравствуй, брат мой Бзоу!» Рудашевский стал лауреатом литературного конкурса «Книгуру» в 2013 году. Иллюстратор Александр Горнов.

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-768-9

© Рудашевский Е., 2015

© ИД "КомпасГид", 2015

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Евгений Рудашевский Здравствуй, брат мой Бзоу!

Среди всех живых существ, созданных до сего времени, нет никого божественнее дельфинов, ведь они в свое время были людьми и жили вместе с другими смертными в городах, пока по совету Диониса не променяли сушу на море и не приняли образ рыбы.

Гомер

Глава первая

Весна

Амза, семнадцатилетний рыбак из рода Ка́гуа, перескочил забор, отделявший пляжную гальку от дороги, и заторопился дальше, к дому.

– Брат, брат! – вбежав в калитку, крикнул Амза.

– Что случилось? – Да́ут обеспокоенно поднялся со стула.

Валера, отец братьев, ровнявший изгородь за кукурузным амбаром, замер и прислушался.

– Там, на берегу! Дельфин! – сквозь частое дыхание произнес Амза и улыбнулся.

– И чего? – удивился Даут.

– То есть как «чего»?! Что с ним делать-то? Ты пойми, он на камнях! Ведь помрёт там. Даут!

– Почему ты не закрыл калитку? – Обратившись к младшему сыну, Хибла выглянула из апáцхи¹, где кипятила молоко для мацб́ни².

Амза, вздохнув, вернулся к калитке, запер её.

– Баська, не сейчас! – махнул он подбежавшему псу.

Пес, однако, не уходил. Сел возле ног юноши, поднял голову. Упрямо смотрел на хозяина и при этом быстро перебрасывал хвост.

– Зачем он вообще вылез из моря? – спросил Даут.

– Мне откуда знать?.. Ну!

– Только не задерживайся, – крикнула Хибла. – Не забывай, тебе ещё ача́лт³ чинить.

– Помню, ан. Мы быстро, – улыбнулся Даут. – Пошли!

– Побежали! – крикнул Амза и, не дожидаясь возражений брата, бросился к дороге.

День начинался чудный. Весной наконец испарилась гнетущая влажность, и старики, перетерпевшие губительный март, радостно наблюдали, как оживает их край. Светло-розовыми бутонами расцвела алыча́, её тонкие колючие ветви неспешно колебались в тёплом воздухе. Свежими цветочками белела мушмула́. Из зимнего забвения возвращались запахи и звуки.

Амза первый подбежал к дельфину-афалине⁴. Тот лежал на берегу и в неподвижности казался мёртвым. Юноша опустился на колени. Прежде он не видел дельфинов так близко.

– Он мёртв? – спросил Даут.

– Нет. Приглядишься. Видно, что дышит.

– Он тут, наверное, всю ночь пролежал.

Братья сидели возле афалины, не решались толкать его к воде. Потом позволили себе осторожные поглаживания, однако старались не шуметь – опасались, что зверь окажется спящим, а пробудившись, укусит.

¹ Апáцха – кухня, отдельно пристроенная к дому.

² Мацб́ни – молочный продукт, похожий на простоквашу.

³ Ача́лт – большая плоская рододендроновая плетенка.

⁴ «Амза первый подбежал к дельфину-афалине». Афалина – вид дельфинов, обитающих в самых разных уголках мира, в том числе и в Чёрном море. Иначе их называют бутылконосыми. Внешний вид афалин можно назвать классическим. Именно таких дельфинов вы чаще всего встретите в дельфинариях и океанариумах. Бутылконосыми их называют не в обиду. Просто удлинённый череп афалины в самом деле похож на бутылку. Сходство увеличится, если дельфин займёт вертикальное положение и будет плавно раскачиваться на волнах, словно брошенная в море бутылка – правда, весьма больших размеров.

Его кожа была сухой, упругой. Спина – серая, пузо – светлое, с розовыми пятнами. От головы к потрёпанному спинному плавнику вела размытая белая полоса. Кроме того, к дыхалу⁵ от носа тянулись две тонкие линии.

– Он этим дышит? – спросил Даут.

– Наверное. – Амза пожал плечами.

Рядом с боковыми плавниками дельфина братья заметили короткие, уложенные дугой шрамы, словно кто-то нарочно выскребал их гребёнкой. Почти все шрамы палевые, твёрдые, а несколько – красные и рыхлые.

– Кто это тебя? – промолвил Амза.

– Может, ему рыбу принести?

– Не знаю... Потрогай!

Даут взял дельфина за подмышку грудного плавника. Она была горячей. На коже зрели волдыри.

– Странно. Солнце не так уж печёт... – заметил Амза.

– Он, наверное, болен. Сходи за рыбой!

– Да какая тут рыба! Его надо спихнуть в воду.

– А если укусит? Сам выбрался, пусть сам возвращается.

– Ну и отойди!

Амза обошёл брата, стал подталкивать дельфина. Галка расступалась под ногами. Даут молча наблюдал. Зверь был длинным, до двух метров, а потому тяжёлым. Амза тянул его за хвост, за плавники. Давил на спину, при этом старался не подносить руки к голове. Дельфин подобному вниманию не противился, был таким же неподвижным.

– Зря всё это. Помер он, – сказал Даут, но, сняв рубашку, решил помочь.

– Ну, давай же! – приговаривал Амза, вновь и вновь толкая разгорячённую тушу.

Наконец удалось сдвинуть дельфина к морю. Едва волна коснулась его плавников, он открыл глаза. Даут, испугавшись, отскочил:

– Отходи! Укусит!

Амза не ответил. Снял туфли, отбросил их, продолжил тянуть зверя. Даут, приглядевшись к красноватым глазам афалины, присоединился к брату.

В полутора метрах от берега вода сомкнулась на спине дельфина. Тот оживился, фыркнул из дыхала брызгами, качнул хвостом. Амза, смеясь, поглаживал нового друга:

– Ну? А ты говорил, что помер. Жив! Ещё как жив! Ведь так?

– Чего же он не уплывает?

– Подожди! Пусть сил наберётся. Ты пока рыбки принеси.

– Ну, буду я бегать!

Амза, нагнувшись, продолжал гладить голову дельфина. Даут постоял, затем цокнул языком, вздохнул и зашагал к дому:

– Ладно, подожди. Сейчас принесу. Только отец убьёт, если узнает.

Зверь чаще шевелил хвостом, напрягал плавники. Увлажнённая, его кожа стала ещё более гладкой.

– Дад, чего это ты его наглаживаешь? – крикнул стоявший у камней старик Ахра Абидж.

– Здравствуйте, – смутился Амза и шагнул к берегу.

– Ну как, упругий, да?

– Да.

– Упругий... – Ахра присел на ржавую бочку. – Я тоже в молодости трогал дельфина. Их тут много, но к человеку редко плывут. Ко мне однажды приплыл.

⁵ Дыхало – дыхательное отверстие у дельфинов и китов.

Старик усмехнулся, посмотрел на свои исчерченные полосами сапоги, потрогал ноговицы⁶.

Амза любил его истории, но сейчас боялся продолжения – придётся слушать Ахру, а так хочется заняться дельфином...

– Здравствуйте! – поздоровался Даут, на бегу взягзивая ведром, в котором болтались две рыбины.

– О! Вы его и кормить решили! Что же это, приручаете?

– Ага, – улыбнулся Амза.

Дельфин тем временем окончательно ожил. Медленно плавал вдоль берега, смотрел на братьев.

– Интересно, это мальчик или девочка? – спросил Даут.

– Тебе-то что?

– Ну... интересно.

Солнце поднялось над холмами и укрепило день. Облаков не было. Ветер бережно подталкивал волны к гальке, пахло морем. Со стороны Пицунды вышли две лодки, за ними следовал баркас. Возле пятиэтажки взвыла бензопила, затем в многоголосых окриках умолкла. над бухтой пролетели две чайки.

Дельфин отплыл от братьев. Амза бросил ему небольшого осетра. Афалина заинтересовался подарком, но, вместо того чтобы съесть его, начал им играть: неспешно подталкивал носом, топил, затем поднимал к поверхности. Осётр вернулся к Амзе.

– Значит, не голодный, – нахмурился Даут.

Амза, стоя в воде, опять кинул рыбу – теперь подальше. Всё повторилось.

Дельфин оставался безмолвным. Отплывал от берега, играл. Иногда оставлял на поверхности лишь загнутый серпом плавник и застывал на месте. Порой переворачивался, закручивал хвостом ворчащие буруны. И Амза был счастлив. Найти дельфина на берегу, трогать его, затем спасать – это было необычным, радостным делом. Амза представлял, какими словами и жестами расскажет обо всём родителям.

– Не понимаю, зачем он выбрался на берег, – промолвил Даут.

– Наверное, случайно.

Старик Ахра, наблюдавший за братьями, скрутил папироску, смочил шов языком и закурил. Дым медленно опускался из его носа, путался в седых усах, затем густыми завитками расплывался по сторонам.

Подаренная афалине рыба наконец утонула.

– Амза, пора идти. Мама будет ругать.

– Да... но ведь он не уплывает. Когда ещё удастся так поиграть?

– Он тут может до вечера плавать. нам пора. Пошли!

Даут, опустившись на гальку, вытер ноги, затем натянул чужаки. Амза возвращался спиной к дороге, чтобы дольше наблюдать за диковинным другом. Дельфин, заметив, что его покидают, замер. Всё так же беззвучно смотрел на Амзу. Нырнул и вскоре появился с потрепанным осетром на носу.

Амза угрюмо подошёл к брату. Не просушивая ног, обулся. На его лбу протянулись морщины. Движения юноши были резкими, выдающими раздражение.

– Ладно тебе, не расстраивайся, – вздохнул Даут.

Дельфин подкидывал рыбу, ловил её, окунал, смотрел на уходивших ребят. Старик Ахра остался курить – уже вторую папиросу.

Едва братья вышли на дорогу, Амза подпрыгнул:

– Да!

⁶ Ноговицы – вид плотных чулок, покрывающих голень и колени. натягивают поверх голенища сапога.

– Что?

– Мы видели дельфина! – крикнул юноша, ухмыльнулся, потом вовсе рассмеялся. – Кто ещё видел дельфина так близко, а? Никто! А мы его даже трогали, гладили! Ведь это... ноздрю на макушке видел?⁷

– Ноздрю на макушке?

– Именно! Надо всем рассказать!

Амза, довольный, бодро вскидывал руки, обдирал крапиву, отпινывал камни.

Подул ветер. Возле солнца скромным сопровождением проявились худенькие облака. От мыса чаще взлетали чайки, они торопились к рыбацившим вдалеке баркасам. Во дворе Батала Абиджа, соседа семьи Кагуа, залаяли псы.

Зелень окрепла и теперь ширилась пахучими соцветиями. Вдоль заборов растянулись оттенки красного, жёлтого, синего – словно бы художник, задумав раскрасить штaketник, подготовил себе ароматную палитру. Во дворах зацвела неприметная шелковица.

Воздух, ещё не разгорячённый, был прозрачен.

Ближние холмы казались грудями состриженной с гигантских овец шерсти – зелёной, с чёрными жилками теней. Лишь редкие залысины земляных обрывов нарушали этот образ. Севернее дремали горы Кавказа – одна гряда за другой. Чем дальше и выше стояла гора, тем бледнее был её силуэт.

– Отец не рассказывал о своём знакомстве с дельфинами? – спросила за ужином Хибла.

– Нет. – Амза удивлённо посмотрел на Валеру. Тот ухмыльнулся, однако ничего не сказал.

– Дай мне ахул⁸, – попросил Даут.

– Вот. – Амза протянул брату ковшик.

– Неудивительно. Оно было не очень приятным, правда? – Хибла обратилась к Валере. Тот вновь ухмыльнулся. – Отец тогда работал на морзверзаводе в Новороссийске.

– Хорошее название, – заметила баба Тина.

– Было это в шестьдесят третьем...

– Шестьдесят первом, – поправил Валера.

– Соли не хватает, – прошептал Даут.

– Они тогда рыбу ловили. И дельфинов.

– Как это?! – воскликнул Амза.

– Да. Тогда это было всюду. Причём на высшем уровне! Из дельфинов изготавливали шкуры и... что-то вроде рыбьего жира.

Хибла взглянула на мужа, надеясь, что тот закончит или поправит её рассказ. Валера молча жевал варёную кефаль, запивал вином и, кажется, не слушал того, что говорит жена.

– Выходили на лодках, на катерах. Окружали дельфинов неводом и толкали к берегу. Вытаскивали из моря. По несколько тысяч! Те были ещё живы. Всех сразу не могли обработать, так что большинство сутками лежали на месте и... умирали.

– Не представляешь, каково! – отозвался Валера. Он провёл ладонью по лысеющей голове, отодвинул пустую тарелку и продолжил: – Я с другими рыбаками жил над морем. Это хуже любой пытки! Они ведь там издыхали под солнцем и целыми днями без перерыва кричали. Весь берег покрыт их серыми тушами. Шум хуже шахтенного!

– Ужасно! – Амза качнул головой.

⁷ «А мы его даже трогали, гладили! Ведь это... ноздрю на макушке видел?» То, что Амза назвал «ноздрей на макушке», в действительности было дыхалом. Дыхало – это дыхательное отверстие, расположенное на голове дельфина. Погружаясь в воду, дельфин закрывает его кожно-мышечным клапаном.

⁸ Ахул – сорт капусты, то же, что кольраби.

– Ещё бы! Мы не высыпались, болела голова, до драк бывало...

– Он не о том, – улыбнулась баба Тина.

Валера умолк, закурил. Сложил на животе ладони и уныло посмотрел на курятник.

Кагуа уже вторую неделю ужинали не в апацхе, возле огня, а за столом во дворе. Ночи были прохладными, но приятными из-за пришедшей сухости. На тёмно-фиолетовое небо выпало всё больше звезд.

– Баська! – вскрикнул Амза. – Уйди!

Пёс поставил передние лапы юноше на колени, крутил хвостом и жадно наблюдал за тем, как ломти кефали поднимаются к человеческому рту. Амза рассмеялся и, поворчав, угостил Басю.

Засыпая, Амза думал о дельфине. «Интересно, почему он молчал? Те дельфины, которых ловил отец, кричали, а этот ничего не сказал. Станный. Может, немой?» Потом Амза обеспокоился, вообразив, что после его ухода кто-то ещё, например Мзау́ч, спустился к ослабленному зверю: так же трогал его, предлагал рыбу. Юноше хотелось быть единственным.

Утром семейство Кагуа выехало на кукурузное поле. Работа ожидалась нетрудная, но скучная. Выделенный им участок граничил только с грузинскими пашнями – поговорить на обеденном отдыхе будет не с кем.

Пахло пробудившейся землёй. Валера любил этот запах. Выйдя из машины, он шире вдохнул. Склонившись, положил на мягкую траву ладонь, словно бы прислушался к сердцебиению поля. В небе пролетел тёмно-бурый канюк. Заворачивая к югу, он громко и гнусаво замыкал.

Кукурузу нужно было засеять в один день, чтобы завтра вернуться к рыбной ловле.

Даут выкатил из сарая дедовский плуг, отряхнул его от годовой пыли. Как и в прошлую весну, ощупал подгнившую ручку, вздохнул и наказал себе летом заменить её новой. Амза тем временем привёл от Турана быка. Туран был старшим братом Хиблы и трудился в километре от участка Кагуа.

Проверяя лезвие плуга, а потом и постукивая по раме, Валера улыбнулся. Никто этого не заметил. Тогда он цокнул языком и, мотнув головой, усмехнулся.

– Чего это ты? – удивилась Хибла, просматривавшая мутно-жёлтые зёрна.

– Да... Анекдот вчера Сашка рассказал.

– Ну?

– Чего?

– Рассказывай, чего!

– Значит, так. – Валера отвлёкся от плуга. Достал из кармана папиросу, закурил. Выпуская дым вместе со словами, сказал: – Повздорили в селе два друга.

– Абхазы? – уточнила баба Тина.

– При чём тут это?

– Сейчас всё причём. Тем более это.

– Ну, значит, повздорили два друга-абхаза. Один разгорячился, ружьё схватил и друга своего, значит, застрелил.

– Хороши друзья, – вскинув руку, улыбнулась Хибла.

– Хороший анекдот, – нахмурилась баба Тина.

– Тогда уж это грузины!

– Дайте закончить! – возмутился Валера и сразу продолжил: – Из района приехала милиция. Стали разбираться. Убийцу забрали.

– Ну! – крикнул Амза быку, едва не задевшему его рогом.

– А заодно конфисковали у всех ружья. Тогда один колхозник и говорит: «Вот дурак! Зачем он его из ружья стрелял? Лучше б мотыгой прихлопнул! И нас бы заодно от мотыг

избавил!» Поняли? То есть он думал: тогда бы не ружья позабирали, а мотыги. И можно было бы не работать.

Хибла качнула головой, Даут чуть улыбнулся. Валера сам рассмеялся, но, увидев, что другие равнодушны, умолк. Вздохнул и возвратился к плугу.

Для начала пришлось вспахать лежалую землю. За плугом неторопливо шла Хибла, бросала семена кукурузы, а с ними фасоль, чтобы она вилась вверх по соседке и не требовала вкапывать для себя отдельную опору.

Баба Тина наблюдала за посевом с бревна, уложенного возле худой изгороди. Ломала пальцами семечки да поглядывала на густые клубы зелени, под которыми укрылись ближние холмы.

Вспахав и засеяв участок, Валера приладил позади быка ачалт, на него вкатил десяток камней. Впереди, ведя быка, шагал Даут, а Валера смотрел, чтобы плетёнка не сбивалась и скользила по грядам, – так земля выравнивалась.

Амза помогал отцу, однако был невнимателен. Он видел, как продавливаются сухие комья, слышал, как шелестит ачалт, но думал о дельфине. Амза тщился вспомнить, какой зверь на ощупь. Говорил себе: «Упругий, сухой». Захотелось вновь прикоснуться к нему, погладить его, обрызгать водой.

Баба Тина поднялась с бревна, постояла, затем пошла вдоль пашни. Зная, что у матери днём болят ноги, Валера удивился:

– Куда это ты?

– Как говорила моя бабка, чем даром сидеть, лучше попусту ходить!

Солнце вышло на пустынное покатое небо. Мужчины легли отдыхать под чинарой. Тени хватило каждому. Хибла вынула из багажника корзину с мацони, сушеной рыбой, ахэхчей⁹ и лавашем. Обед был неспешным. Тело нехотя принимало пищу. Хотелось спать. Вздремнув минут десять, Амза взбодрился.

В стороне отдыхали грузины.

– А где вино? – удивился Валера.

– Дома выпьешь, – ответила Хибла и поставила мацони ближе к мужу.

Валера в последние годы ходил с животом. Голова теряла волосы. Брился он редко, уже не стеснялся седой щетины. На плече тянулся шрам – память о войне. Когда немцы приблизились к Абхазии, Валера был в Псху. Пришлось оставить село и прятаться в горах. Многие абхазы ушли в Гудауту, оставшиеся ловили врага потемну или в тумане – мучили, а потом отдавали шакалам. немцы ждали, пока их флот пробьётся к Сухумскому порту, отстреливали горцев. Застигнутый часовыми, Валера бежал через кусты, прыгнул в реку Бзыбь. Старое дерево острым суком вспоролу ему плечо. Он должен был умереть, однако выжил. Амза никогда не спрашивал у отца про войну. Родители не рассказывали про те годы. Молчали также о свадьбе, о том, почему уехали из Ткварчала...

К пяти часам семья Кагуа закончила посев своего участка, благо тот был небольшим по сравнению с соседними, грузинскими.

Вечером Амза и Даут вышли на берег, чтобы перед завтрашней ловлей проверить лодки и сети. Братья, смеясь, перекидывались камушками – показывали сильный замах, но бросали, конечно, мягко.

– Смотри! – вскрикнул Даут, указав на море.

Амза обернулся и замер, затем рассмеялся. В десяти метрах от берега плавал их вчерашний знакомец. Его было непросто заметить – он всплывал лишь спинным плавником и макуш-

⁹ Ахэхча – творожная масса из сыворотки с пряностями и зеленью.

кой, к тому же море волновалось. Когда Амза подбежал к воде, дельфин показался весь и дёрнул головой, словно ребёнок, признавший поражение в прятках.

– Ты что здесь делаешь? – крикнул ему Амза.

Он радовался ещё больше, чем вчера, не мог устоять – то ходил вдоль прибоя, то бегал, заметив, что дельфин следует за ним. Даут сидел возле лодок и, глядя на брата, чуть улыбался.

– Ты теперь каждый день ко мне будешь приплывать, да?

Амза вдруг засомневался, тот ли это дельфин, но, разглядев на плавнике знакомые потёртости, а на боках – шрамы, успокоился. Он играл с морским зверем, как с собакой. Бежал, останавливался, снова бежал. Дельфин зеркально следовал за ним. Потом Амза падал, замирал. Тогда дельфин подплывал к каменистой мели – высматривал его, не мог найти и носом волновал воду.

Наконец юноша заломил высокие паголенки¹⁰, снял сапоги, сложил портянки и, завернув брюки выше колен, вошёл в воду.

– Осторожней! – окликнул его Даут.

Амза не ответил. Он сам испугался своих действий. «Всё же это зверь, хищник...» Тем не менее сделал ещё три шага. Дельфин наблюдал за ним. Качнул хвостом и медленно отплыл в сторону.

– Ну и чего ты боишься? – Амза улыбнулся и вытянул вперёд руки.

Сзади донёсся лай. Это Бася выскочил на пляж.

– Баска! – обрадовался Амза. – Давай сюда! Я тебя познакомлю!

Пёс, проскочив мимо Даута, зарылся лапами в гальку. Приблизился к юноше, залааял ещё громче. Войти в воду он не решался, отбегал всякий раз, как волны всплёскивались возле его мордочки. Вдруг Бася замолк, насторожённо присел – увидел дельфина.

– Как же мне тебя назвать? – прошептал Амза. – Эт-ных? Нет. Слишком уж... официально. Знаю! – вскрикнул юноша так, чтобы его услышал брат. – Я назову тебя Бзоу!

– Бзоу? – удивился Даут.

– Да! По-моему, хорошее имя для дельфина.

– А если он девочка?

– Девочка?.. Даже не знаю... Нет! Наверняка мальчик!

Дельфин плавал вдоль берега. Был игрив, но приблизиться к себе не позволял. Чуть брызнул на Амзу. Тот рассмеялся и ответил тем же. Тогда Бзоу брызнул сильнее. Началась подлинная буря. Бася неподвижно наблюдал за тем, как его хозяин горстями бросает воду к диковинной рыбине, как та в ответ размахивает головой, и не мог понять происходившего. Пёс был задумчив и молчалив.

Даут сложил сети в лодку, взглянул на опускающееся к Пицунде солнце.

– Интересно, ему тоже заняться нечем? – крикнул он брату.

– Что?

– Или у него нет семьи и друзей? Он с тобой тут крутится, а ему, как и тебе, наверняка нужно бы работать...

– Ты как бабушка.

– При чём тут это? – нахмурился Даут. – Вечер всё-таки.

– Я ему жизнь спас...

– Мы.

– Ну мы. Вот он к нам и пришёл. Поблагодарить.

¹⁰ Паголенок – часть сапога, охватывающая голень. Заломить паголенки – значит вывернуть их внутренней стороной по ноге, чтобы удобнее было снимать сапог.

Амза дождался, пока просохнут ноги, затем стал обуваться. Заметив это, Бася оживился, отступил тихим шагом. Выбравшись к дороге, осмелился залаять и, поскольку его молчание было долгим, лаял громко, с усилием.

Бзоу приблизился к берегу, плеснул несколько раз и ждал ответа.

– Прости. Мне пора, – попрощался с ним Амза.

Дельфин смотрел вслед людям. Ещё дважды ударил по воде хвостом. Наконец уплыл.

– Ну? Чего встали?! – утром кричала баба Тина. Она только что покормила кур и петуха, а теперь выгоняла их гулять по саду – клевать змей, если те объявятся.

Амза пил кофе, ел ахўд¹¹ с лавашем и осматривал двор.

Дом Кагуа был небольшим, но в его четырёх комнатах без тесноты и недовольства умещалась вся семья. Одну комнату даже оставили для гостей, иногда её сдавали приезжим.

Дом стоял на восьми крупных тёсаных камнях. Его основание дубовое, а стены – из каштана. В прихожую вело грубо отлитое бетонное крыльцо.

В зазор между домом и землёй часто ходили куры, нередко туда пробирался Бася или кот Местан – оба прятались, нашкодив. Ещё ребенком это затемнённое место любил Амза, заползал туда и, конечно, пачкал одежду, за что получал выговор от Хиблы.

Перед домом тянулась веранда. Её крыша дощатая, пол – земляной. Стен не было – только широкая изгородь из турецких часиков. Они росли плотно и потому в жаркие дни оставляли приятную тень. Чуть дальше пристройкой к дому стояла апацха. Баба Тина на прошлой неделе возобновила в ней лежанку – как некогда её родители, она тёплыми ночами спала возле котлов и костровища. За апацхой были грядки.

Перед верандой росли мушмула, лимон и фейхоа. Ближе к Валериному «запорожцу» стояла широкоплечая чинара, под ней иногда днём дремала Хибла. За чинарой росла алыча. Тут же, возле кукурузного амбара, поднимались трёхметровые столбы, на них после сбора урожая вывешивали сушиться кукурузные стебли, которыми зимой кормили скот. У семьи Кагуа скота не было, и стебли они отдавали Турану, брату Хиблы.

Кукурузный амбар, как и дом, был приподнят от земли, но не для тепла, а для сохранности от крыс. В этот промежуток также наведывались куры, Бася, Местан и маленький Амза.

За домом скрывался долгий и сумрачный сарай, возле него – семейное кладбище¹²: тут лежали муж бабы Тины, её брат и мать. За алычой, напротив апацхи, была душевая, от неё начинались тропинка к туалету и тропинка в сад с мандаринами и персиками. Часть изгороди там осыпалась, однако её затянуло, укрепило лавром.

Со стороны калитки у дома стоял длинный обеденный стол. Тут же были будка и курятник. У ворот росла низкая пальма.

¹¹ Ахўд, то же, что лóбио, – блюдо из фасоли.

¹² «За домом скрывался долгий и сумрачный сарай, возле него – семейное кладбище...» Устав от турецкого гнёта, Абхазское княжество обратилось к Александру I с просьбой включить его в состав Российской империи. Манифест о присоединении вышел в 1810 году, с тех пор турки не могли тревожить абхазов напрямую, однако придумали другой, более изощрённый способ. В начале XIX века турецкие солдаты тайком вскрывали могилы на кладбищах Абхазии. Их интересовали не украшения, а тела усопших, порой даже их кости. В Абхазии всегда почитали старших. Умершие родственники ценились едва ли не больше живых. В этом абхазы видели почтение к истории, к традициям. Турки ночью похищали тела, затем присылали семье погибшего краткое письмо – требовали выкуп. Опустошённая могила – позор для абхазской семьи. Они вынужденно продавали имущество: дом, землю, скот. Отдавали деньги, возвращали в могилу пращура, а сами оставались в нищете. Таких случаев становилось всё больше, и наконец собрался Совет старейшин Абхазии. Старейшины придумали, как обхитрить турок. Они разрешили абхазам хоронить родственников не на общем кладбище, охранять которое было непросто, а возле дома – с восточной стороны, на расстоянии выстрела из того ружья, которое имелось у семьи. Тот, кто хотел осквернить могилу, считался худшим из преступников, и его дозволялось убить без размышлений. Турки со временем отказались от промысла мёртвыми, он стал слишком опасным, но похоронная традиция сохранилась на многие десятилетия. До сих пор в абхазских сёлах во дворе, за сараем, можно увидеть опрятное семейное кладбище.

Валера вышел раньше сыновей. Сегодня его ждали на баркасе. Кагуа работали для местного рыбзавода, но не забывали и частный промысел.

Местан вспрыгнул на стол.

– Чего тебе? – улынулся Амза.

Зная, что его могут наказать, кот пригнулся, готовился при опасности ускользнуть. Амза один за другим подставлял ему пальцы и смеялся, когда тот пытался их облизать.

– Рыбы у меня нет. Приходи на ужин. Ну? Видишь? – юноша предложил Местану свою миску. – Тут только фасоль да петрушка всякая. Тебе такое не понравится.

Слушая человека, кот расслабился, уложил хвост вокруг стакана, зевнул. Подошедшая сзади Хибла ладонью снесла его на землю, словно сор стряхнула. Местан от неожиданности мявкнул, свалился на траву и замер. Хибла прошла дальше, и кот принялся тереть мордочку лапой.

Братья отплыли, когда солнце высветило округу. К июню они уже не позволяют себе выходить так поздно – опасаясь дневной жары, будут готовиться затемно. Вода в бухте была прозрачной, но глубина нарастала быстро, и в пяти метрах от берега не удавалось разглядеть дна.

Вслед за Кагуа на пляж вышли Феликс и Мзауч Цугба. Мзауч – ровесник Амзы. Феликсу было двадцать три, он был на год младше Даута. Абхазы в Лдзаа¹³ недолюбливали завистливых и склочных Цугба, но свою нелюбовь озвучивали редко.

Солярка дорогая – рыбаки брали мотор только для неожиданных надобностей, обычно же гребли вёслами. Братья Кагуа плыли на двух лодках с малым промежутком. Выйдя из бухты и распределив сеть на две кормы, они стали расходиться. Следили при этом, чтобы, опускаясь в воду, снасть не спутывалась. Прогредев, выпали деревянные буйки, теперь можно было плыть дальше – растягивать вторую сеть; потом дрейфовать вблизи из опасения, что баркасы или прогулочные катера по невнимательности скрутят её, порвут. Кроме того, сети уже несколько раз пропадали. Рыбаки шептались о грузинских рабочих с рыбзавода, но доказательств ни у кого не было. За первую сеть не беспокоились, с этого края в бухту никто не заходил, а вор показаться не решился бы – тут всё видно, открыто.

¹³ «Абхазы в Лдзаа». В селе Лдзаа, иначе – Лидзава, сейчас проживает почти две тысячи человек. За последние годы здесь появились новые красивые дома, многие из которых построены приехавшими в Лдзаа армянами, но в прочем поселок изменился мало. Большинство абхазов по-прежнему живут в домах, построенных грузинами. Рыбный завод пришёл в запустение. Недалеко от него можно найти и другие развалины, среди которых старая школа, магазины. Галечный пляж не обустроен, что не мешает туристам приезжать в Лидзаву на отдых. Летом здесь во многих дворах сдаются комнаты. Сюда приезжают те, кто хочет попасть на море, но не готов тратить деньги на проживание в гостинице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.